Г. Бартелинк издал житие по трем рукописям, положив в основу издания cod. Vatic. 1667, X в. Он снабдил текст переводом, обширным комментарием (основное внимание уделено разъяснению лингвистических и грамматических особенностей) и вводной статьей, где останавливается помимо прочего, на мировоззрении, стиле и языке Каллиника.

А. К.

D. B. Evans. Leontius of Byzantium. An Origenist Christology.—«Dumbarton Oaks Studies», XIII. Washington, 1970, XIII+206 p.

Согласно традиционным представлениям, Леонтий Византийский — один из виднейших православных богословов VI столетия. «Как по своему внутреннему содержанию,— писал В. Соколов,— так и по внешнему изложению христология Леонтия Визан[тийского] — безусловно православная христология» [1]. Американский исследователь Д. Б. Ивэнс порывает с традиционной точкой зрения и утверждает, что в своей христологии Леонтий выступает как еретик, как последователь Оригена. Аргументация Ивэнса состоит из ряда пунктов.

Во-первых, следуя за М. Ришаром, Ивэнс отделяет Леонтия Византийского от Леонтия Иерусалимского, автора ортодоксальных сочинений против несториан и монофиситов (стр. 1, прим. 1), которые, следовательно, должны быть исключены из Corpus Leontianum.

Во-вторых, Ивэнс настаивает на тождестве Леонтия Византийского с одноименным монахом, которого Кирилл Скифопольский прямо называл оригенистом (стр. 172—176). Леонтий, как можно судить по скудным данным о его жизни, был халкидонитом, но в рамках халкидонитства занимал особую позицию — Ивэнс характеризует его как оригениста-халкидонита (стр. 183).

В-третьих — и эта часть доказательств занимает основное место в работе Ивэнса,— автор выясняет оригенистские черты христологического учения Леонтия, основываясь преимущественно на «Трех книгах против несториан и евтихиан». Эти черты заключаются в следующем: 1) природа (οὐσία) и ипостась в концепции Леонтия выступают как определенные характеристики отношений между сущим (τὰ ὄντα): явления могут быть сходными по природе и различными по ипостаси, и наоборот (стр. 30 и сл.); 2) Иисус Христос, согласно Леонтию, является не воплощенным словом, но невещественным разумом, предвечно соединенным с богом и обретшим плоть по милости божьей; это учение Леонтия близко к взглядам оригениста второй половины IV в. Евагрия Понтийского (стр. 124—131) [2].

Констатируя оригенизм христологии Леонтия, Ивэнс ставит задачу пересмотра роли учения Оригена в формировании ранневизантийской теологии: помимо Евагрия и Леонтия, он ссылается на такого столпа православия, как Максим Исповедник (стр. 145).

А. К.

Новый жанр византиноведческих публикаций

В последние годы все более распространенными становятся сборники статей ведущих византиноведов — как покойных, так и живых. Внешняя причина издания таких сборников состоит в том, что работы современных ученых подчас выходят в трудно доступных изданиях, получить которые непросто. Однако сборники такого рода имеют и другой, более глубокий, внутренний резон: с начала этого столетия все чаще встречается особый тип византиниста (как правило, это филологи и источниковеды), творчество которого состоит из серии частных исследований, не сводимых в большие работы. Но и ученые иного рода, авторы больших монографий и справочников, создают параллельно своим главным трудам произведения «малых форм» — статьи и рецензии, важные по их результатам.

Для жанра малых форм особенно показателен двухтомник статей С. Дж. Меркати (*S. G. Mercati.* Collectanea byzantina. vol. I—II. Bari, 1970), подготовленный А. А. Лонго и снабженный предисловием Дж. Скиро. Первый том занимают статьи по филологии, второй — по палеографии и кодикологии, папирологии, эпиграфике, по истории итало-греческих литературных связей, по археологии и истории искусства, по новогреческой литературе и несколько работ, объединенных титулом «Разное». Тематика статей и периоды, интересовавшие Меркати, чрезвычайно разнообразны: наряду с такими корифеями византийской литературы, как Пселл, Продром или Никифор Григора, в работах Меркати проходят малоизвестные авторы (Стефан Мелит, Василий Кекавмен, Михаил Аплухир, Никифор Уран); наряду с житиями и гомилиями — эпиграммы и сонники. По большей части это публикации, текстологические заметки, поправки (сборник включает ряд рецензий Меркати), истолкования терминов

[1] *В. Соколов.* Леонтий Византийский. Его жизнь и литературные труды. Сергиев Посад, 1916, стр. 332.

[2] О взглядах Евагрия см. теперь: *A. Guillaumont.* Un philosophe au désert: Euagre le Pontique.—«Revue de l'histoire des religions», 181, 1972.

и т. п. Расположить этот огромный и гетерогенный материал в строгой системе было, разумеется, невозможно (может быть, следовало бы попытаться сгруппировать статьи внутри разделов, руководствуясь хронологическим принципом? Впрочем, условность многих датировок делает этот принцип недостаточно надежным), тем большее значение приобретают в этих условиях указатели. Издатели снабдили сборник огромным указателем имен (т. II, стр. 803—838) и указателями рукописей и папирусов; из указателей следует, между прочим, что Меркати знал ряд московских и — меньше — ленинградских манускриптов. Предметного индекса в книге, к сожалению, нет.

В сборнике помещена библиография работ Меркати за 1908—1962 гг. (т. II, стр. 781—799). Она включает 165 названий (не считая статей в «Итальянской энциклопедии»), в том числе его большую публикацию сочинений Ефрема Сирина (№ 4), не вошедшую в сборник. Однако в самом сборнике я насчитал 182 номера — больше, чем в библиографии.

По своему замыслу к изданию трудов Меркати близки два сборника, выпущенные болгарским издательством «Наука и изкуство» в серии «Българско историческо наследство»: *В. Златарски.* Избрани произведения (т. I, София, 1972), под редакцией П. Петрова, и *П. Мутафчиев.* Избрани произведения (т. I, София, 1973), под редакцией Д. Ангелова. Однако оба они получались тематически более однородными. Первый том произведений Златарского объединен одной темой — историей болгаро-византийских отношений, и издатели размещают материал в хронологической последовательности тематики. При этом в конце статьи даны очень краткие дополнительные замечания с указанием на новую литературу, преимущественно болгарскую. В основе первого тома произведений Мутафчиева лежат две его книги, посвященные аграрным отношениям: «Сельское землевладение в Византии (по «Земледельческому закону»)» и «Воинское землевладение и воины в Византии XIII—XIV вв.». Остальные работы довольно разнородны.

Изданные в одном издательстве, сборники Мутафчиева и Златарского тем не менее оформлены по-разному: если сочинениям Златарского придана тематико-хронологическая последовательность, труды Мутафчиева размещаются в зависимости от времени их написания; дополнительные замечания вынесены здесь в конец тома (стр. 679—682), а библиографические указания (где и когда издана та или иная работа) вовсе отсутствуют. Хочется пожелать, чтобы в последних томах «избранных произведений» были помещены, как в сборнике Меркати, указатели и библиографические списки.

Ряд сборников имеет тематический характер. Таковы в первую очередь многие книги, выпускаемые издательством «Вариорум репринтс». Они выглядят несколько неряшливо: репринт предполагает, естественно, воспроизведение шрифта оригинала, в результате чего все статьи смотрятся по-разному; к тому же отсутствие единой пагинации осложняет не только использование этих книг, но и ссылки на них. Зато в отличие от рассмотренных выше сборников издания «Вариорум репринтс» уже в оглавлении имеют пометку о месте и времени издания, что облегчает ориентацию в томе.

Книги этой серии отличаются одна от другой, что определяется исследовательскими особенностями авторов. Сборник статей Ж. Даррузеса (*J. Darrouzès.* Littérature et histoire des textes byzantins. London, 1972) по организации материала весьма близок к трудам Меркати, и это неудивительно, ибо работа Даррузеса во многом протекает в русле интересов Меркати: изучение рукописей и издание текстов занимает центральное место в творчестве французского ученого, опубликовавшего в последние годы сочинения Симеона Богослова, Никиты Стифата, Георгия и Димитрия Торников, сборники писем X в. и многое другое. Заметки, из которых в основном состоит рецензируемый сборник,— главным образом характеристики рукописей и обзоры новой литературы, посвященной византийским памятникам. Несколько особое место занимает статья о Григории Антиохе — опыт характеристики византийского писателя (кстати, в сборник почему-то не включена другая статья Даррузеса об Антиохе) [1]. Статьи расположены в порядке их выхода в свет, без какой-либо попытки объединить в группы.

Работы Х. Г. Бека (H. G. Beck. Ideen und Realitaeten in Byzanz. London, 1972) носят иной характер: автор стремится пройти от источника к пониманию природы византийского общества и общественной мысли. И в соответствии с особенностями творчества Бека структура сборника оказывается иной, чем в сочинениях Меркати и Даррузеса: статьи объединены по группам — историография, богословие, Византия и Запад, социальная история, история литературы (отмечу, что тематическая структура сборника отличается от структуры, принятой в «Byzantinische Zeitschrift»), внутри групп они также располагаются в логическом порядке.

К сожалению, ни в том, ни в другом сборнике нет библиографического списка; отсутствуют и дополнения к публикуемым работам, зато в сборнике Даррузеса помещены две страницы исправления отпечаток, допущенных в первых изданиях.

Добротно сделанный сборник статей Р. Ж. Ленертца (R. J. Loenertz. Byzantina et Franco-Graeca. Roma, 1970), подготовленный П. Шрайнером, посвящен преимущественно поздневизантийскому периоду, причем главным образом политическим и культурным взаимоотношениям Византии с западным миром. Он состоит из трех разделов: в первом трактуются некоторые византийские писатели (Иоанн Кантакузин,

---

[1] *J. Darrouzès.* Deux lettres de Grégoire Antiochos écrites de Bulgarie vers 1173.— BS, 23—24, 1962—1963.

Георгий Сфрандзи и ряд других), во втором — агиографические памятники (прежде всего легенда о Дионисии Ареопагите и его культ во Франции) и в третьем — отдельные вопросы политической, культурной и административной истории Византии в в XIV в. Книга содержит список трудов Ленертца и указатели — именной и предметный.

Сборник статей Г. А. Острогорского (G. Ostrogorsky. Zur byzantinischen Geschichte. Darmstadt, 1973) построен по образцу изданий серии «Вариорум репринтс» — статьи также воспроизводятся репринтным способом с той только разницей, что в книге осуществлена единая пагинация. Лишь одна статья — «Возвышение рода Ангелов» — печатается заново — в немецком переводе, а не в русском оригинале.

Работы Острогорского затрагивают широкий круг вопросов, главным образом, по социально-экономической и административной истории Византии и служат важным обоснованием его концепции, положенной в основу «Истории Византийского государства».

К сожалению, в сборнике отсутствуют как индекс, так и список трудов автора.

Так как, по всей видимости, жанр сборника малых форм будет все более развиваться, не следует ли подумать об известной его унификации? Сравнение нескольких сборников позволяет видеть, что далеко не повсюду мы можем встретить необходимые элементы, к которым относятся: 1) четкое (в оглавлении) указание места и времени первой публикации, 2) единая пагинация (может быть, при сохранении (в скобках?) первоначальной пагинации), 3) именной и предметный указатели, а в некоторых случаях — указатель рукописей, 4) список трудов автора. Более сложен вопрос о дополнительных замечаниях: мне кажется, что указание на новую литературу и на дискуссионность тех или иных положений воспроизводимой работы (как это сделано в болгарских изданиях) тоже принесло бы пользу читателю; такие дополнения ни в коей мере не могут считаться обидными для автора статей сборника.

А. К.

St. Runciman. The Last Byzantine Renaissance. Cambridge. University Press, 1970, IX+112 p.

Маленькая книжка С. Рэнсимена — четыре лекции, прочитанные в Белфасте в 1968 г. По своему характеру книга — скорее популяризация достигнутого наукой в изучении византийского «возрождения» XIII—XV вв., нежели изложение собственных исследовательских результатов. Автор, пожалуй, охотнее ссылается на общие труды типа «Истории византийской литературы» К. Крумбахера (в сокращенных сносках очень не по-немецки именуемой «Byzantinischen Litteratur» — стр. 17, 72, 75 и др.) или «Введение в историю науки» Дж. Сартона, чем на источники. И вместе с тем прочитанные одним из самых больших специалистов по истории и культуре Византии лекции показательны как итог того, что сегодня сделано в этой области, и, я бы даже сказал, того, как печально мало в ней сделано.

Первая лекция — вводная, она посвящена упадку империи и возрождению эллинизма, и автор очень остро начинает ее с бросающейся в глаза противоположности между политическим упадком Византии в XIV—XV вв. и интенсивной интеллектуальной жизнью эпохи политического декаданса. Социальная сторона исторического процесса игнорируется; более того, Рэнсимен неодобрительно отзывается о стремлении Г. А. Острогорского выяснить социальные корни политической борьбы XIV в. (стр. 11, прим. 1) и полемизирует с «чрезмерным упрощением» тех (не названных) ученых, которые видят в гражданской войне Иоанна Кантакузина и Анны Савойской столкновение «земельных магнатов и городского пролетариата» (стр. 12); думаю, что в последнем случае английский византинист ополчается на им же созданного противника: во всяком случае, в последних серьезных работах о гражданской войне второй четверти XIV в. (я имею в виду книги Г. Вайса и К. П. Мачке: см. рецензии в ВВ, 34, 1973, стр. 293—296; 35, 1973, стр. 270—272) нет ничего похожего на формулу Рэнсимена.

Решение противоречия Рэнсимен ищет в возрождении слова «эллин», чему положил начало Николай Кавасила в Солуни (стр. 20). Я цитирую: «Революционное возрождение слова «эллин» дает ключ к природе последнего византийского ренессанса. Он был греческим, эллинским» (стр. 22). Итак, по Рэнсимену, не социальные сдвиги, а осознание своего эллинского прошлого явилось основой культурного подъема XIV—XV вв. При этом Рэнсимен включает в эллинский ренессанс и Никейскую империю: Никифор Влеммид (стр. 55 сл.), Феодор II Ласкарь (стр. 57) находят себе место в пантеоне последнего византийского ренессанса. Однако хорошо известно, что авторы XIII в. употребляли этникон «эллин» в традиционном значении «язычник» и поддерживали идею «ромейского» континуитета, что, по мысли И. Ирмшера, дало Никейской империи силу в борьбе с феодальной децентрализацией осуществить реставрацию Византии [1]. Если следовать принципу Рэнсимена, XIII столетие, во всяком случае, должно остаться за рамками последнего ренессанса. Впрочем, только ли XIII сто-

[1] *J. Irmscher.* Nikäa als Mittelpunkt des griechischen Patriotismus.—«Byz. Forsch.», 4, 1972, S. 125, 136 f.